

В НАДЕЖДЕ СЛАВЫ И ДОБРА

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЮЗА

В МОСКВЕ два театра для детей (а с музыкальным — три), и, конечно, они очень хорошие, но ни один не играет такой роли в жизни Москвы, как Ленинградский ТЮЗ в жизни Ленинграда. Он — часть городского ансамбля, семейного уклада и планов на будущее. В него можно «не ходить», как в любой другой, но его нельзя не принимать во внимание. То есть «не ходить» в него так же сознательно и принципиально, как «ходить», потому что у всех с ним личные отношения и старые счеты: его любят, с ним ссорятся, на него обижаются и ему прощают. А он действительно может иногда огорчить, но потом всегда как-то сумеет вас рассмешить, ошеломить, растрогать, и вы оставите у него на привязи.

— Да, — говорит Пас в «Кошке, которая гуляла сама по себе», — но это не привязь, а привязанность.

Старые ленинградцы помнят основателя театра Александру Александровича Брянцева, потом Макарьева и Зона, помнят последовавшее затем смутное время «до Корогодского» (я хочу сказать, что время это помыслить уже смутно), а уж мы здесь, в Москве, привыкли за все хвалить и во всем винить З. Я. Корогодского — не просто главного режиссера, но, так сказать, движущую силу всей этой традиции. Приехавшая сейчас на гастроли труппа почти целиком состоит из его учеников (при театре есть студия), и эта труппа — самый большой успех Корогодского. К труппе-то, собственно, и привязывались, отчего и возникает желание «ходить». В речах и декларациях нам здесь, как и повсюду, общают театр воспитательный, просветительный, героический, романтический, интеллектуальный или даже, может быть, дискуссионный (в спектакле «Думая о нем» зрители прямо вызывают на реплики с мест), но на самом деле цель Корогодского — создать театр ЛЮБИМЫЙ. Понимая истинные запросы своих зрителей, он знает, что все остальные приложит.

«Театр одного режиссера» оказался самым «актерским» театром, какой мы видели за последние годы. Что говорить о звездах — Соколовой, Шурановой, Шибанове, Иванове, Хочинском, — когда с первого представления вас покориют еще два десятка актеров — Кудрявцева и Майданюк, Боровкова, Смирнова, Старых, Лыскова, Качура, Шевелев, Буров, Шелгунов, Вавилов, Овadis, Бахаревский, Федоров, Жукович, Попков, Арефьев, Алексеев... и я все еще чувствую, что кого-то забыл. И впечатление такое, что все они талантливы индивидуально, каждый по-своему, а возникает это впечатление от их выходов в небольших роллях и полустрадных номерах — значит это общая талантливость труппы, талантливо использованная. Ну да, конечно: забыл Гальперина (он у них еще и музыкант, и на все руки), забыл Ракитянского (который в «Остановите Малахова» играет Боифация в очередь с Шибановым, но еще точнее, забыл Тодорова, который в роли Психолога ведет «Малахова» на равных правах с Ивано-

вым, играющим Автора). Это труппа, в которую влюбляешься.

Вот почему Корогодский так «напирает» на спектакли-дивертименты, в которых актеры показывают себя публике без посредства «пьесы». Драматургия «Открытого урока», «Нашего цирка», «Потешек» — это драматургия ритма, темпа, тона, трюка и нагнетания трюков, но смысла и назидания в этих спектаклях не меньше, чем в «проблемной» пьесе вроде «Донны Анны». Ну «Открытый урок» — это, как известно, целый педагогический семинар. Но вот «Потешки». Фольклорная буфонада, где актеры побивают все акробатические рекорды, она составлена из подобранных молодыми исполнителями (когда они еще учились в студии) русских пословиц, прибауток и анекдотов, названных в афише «эпиграммическими сказками». Дело по нынешним временам обычное и даже отчасти модное: скоморошью забава. И в этом-то представлении вдруг открылся трагический беспощадный дух народного юмора, обращенного НА СЕБЯ. Не попа, царя и барина обличают скомороши в этом спектакле, а постные мины охранителей «народности», благополной, парадной и пасторальной. Как мужики выбирали подходящий день для дождя: как они ходили «вокруг да около», потому что именно так, по слухам, ходят в соседней деревне; как они требовали от царя, чтобы он не приказывал делать «что хошь», а точно указал, чего хотеть; и как им самим было смешно на себя глядеть, — а вот тут-то и мораль. И выражена эта мораль не словами, а простодушным весельем, с которым ребята из ТЮЗа отнеслись к своему «материалу». Скоморошество — это лишь условность, «имя для афиши», а творчески они отождествляли себя (вообще не думая об этом) с полюбоившимися им «мужиками», которые потешаются над собой потому, что больше не над кем.

На заре туманной юности мы узнаем, что смысл искусства гораздо скучнее самого искусства, и если любишь кататься — люби и саночки возить. В результате театр получает письма зрительниц, что «Кошка, которая гуляла сама по себе» научила их не обольщаться призрачной свободой, а «Бемби» — чутко вслушиваться в предостерегающие шорохи сухих листьев. В пьесе А. Кургатникова «В гостях у донны Анны» выведена провинциальная девица Ирма (и несчастная, обиженная, что ничего не дается само, все нужно брать «силой воли»), и театр как будто намечает для нее жизненный путь завысистой карьеры: дело не в способностях, а в умении «бороться». Письмо этой зрительницы возне на «полюбовническое», а вполне благонравное — девочка уверена, что именно такое поучение и было предложено театром. В спектакле «Остановите Малахова» журналист, которого играет Николай Иванов, называет такое школьное сочинительство «унификацией мышления». Николай Иванов произносит это с интонацией вопросительной, но его герой, журналист, знает, что так оно и есть.

А кто ловит нас в эти дни в метро на «Маяковской» и требует отдать лишний билет? Кто рвется на все подряд спектакли Ленинградского ТЮЗа — те, кто хочет узнать, нужно ли обольщаться призрачной свободой, или те, кто еще не решил, стоит ли бороться?

Ну, конечно, это просто одна из жертв, которых требует искусство: детские театры считаются «художественно-педагогическими» и должны вести учет «воспитательного воздействия» (в виде «откликов»). Иногда видишь, что театр тушует перед своей отчетностью, и кто-то кое-где у них порой словесно смел, а сценически робок, или наоборот — играет резко и зло, а на словах тут же утешает, что ничего, мол, страшного. Это я о спектаклях «Думая о нем» и «Остановите Малахова», новизне и смелости которых другие ТЮЗы завидуют и подражают.

Но уровень драматизма, на который способен Ленинградский ТЮЗ, демонстрирует «соленья пружавка» Натальи Майданюк в «Бемби», где она играет Мать. Эта быстрая походка, эти повороты закинутой головы не должны бы, кажется, удивлять — раз она «пугливая лань», ей так и положено. Не каждый ее шаг — это жажда жизни и страх смерти. Каждый миг может оказаться последним.

А уровень комизма — это Игорь Шибанов в «Цирке» (дрессированная собачка) и «Потешках» (несколько выходов), но также и Марина Старых, когда она после первой школьной красавицы в «Донне Анне» играет Корову в «Кошке, которая гуляла сама по себе».

А уровень того, что называют «характерностью», — Александр Шевелев в роли шепелявого Малахова.

А общий уровень театральной культуры и сценического благородства — это, в сущности, почти вся труппа, а здесь я хочу назвать Антонину Шуранову и Александра Хочинского, достаточно известных и помимо ТЮЗа, и заодно малоизвестного Николая Бурова — магнетического Старого Вожака в «Бемби», скомороха-рыболова в «Потешках», пародийного «честного юношу» Морландера в «Месс Менд», а в остальное время играющего всех сухих и чопорных взрослых, плохих отцов и т. п.

Кто же выйдет на поклон последним? Конечно, Ирина Соколова, воплощающая все лучшее, что есть в этом театре и, должно быть, в каждом театре для детей. Это она играет маленького Бемби и Кошку, гуляющую сама по себе. Но она же играет Бабку в «Думая о нем», и она же злодея-гипнотизера Чиче в «Месс Менд». Но играть его она начинает после третьего звонка, а еще до первого, прежде чем публике вступит в зал, она становится на открытой сцене среди каких-то манекенов и застывает как манекен. Она простоят так минут десять — пятнадцать. Жесткий Корогодский! Но зато как ахнет зал, когда этот манекен оживет...

А всем этим рецензент хочет сказать, что театр оказывает воспитательное воздействие не своими педагогическими принципами, а тем, что он хороший и умеет внушить любовь.

А. АСАКАН.